

Вера Чиркова

Цикл «Королевское око»

«ЖЕНИСЬ НА МНЕ, ДУРАЧОК!»
«ПОРТРЕТ ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕССЫ»
«ВСЕ ТАЙНЫ ПРОКЛЯТОЙ РАСЫ»

Вера Чиркова

Все тайны проклятой расы

Роман

Москва, 2014
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Художник
Е. Никольская

Чиркова В. А.

Ч-64 Все тайны проклятой расы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1742-1

Что скрыто за именами, занесенными в памятный список погибшего дознавателя? Кто из них проситель или свидетель, а кто — преступник? И как найти в перечне вполне обыденных дел жертвы небывалого преступления хоть малюсенькую подсказку? А главное, как упрямо дознавателю и судье Грегу Диррейту, имеющему почетный статус старшего королевского ока, улизнуть из-под строгого надзора ковена магов, чтобы приняться за собственное расследование?!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1742-1

© Чиркова В. А., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

— Не уходи! — Темира отчаянно вцепилась в полу дорожного плаща, но командир маленького отряда наемников, снимавших у нее комнаты, резким рывком вырвал ткань из тонких пальцев женщины и оттолкнул ее прочь.

— Я тебя умоляю... — Ее голос прерывался от рыданий. — Умоляю-аю... ты же говорил... ты клялся... как ты можешь теперь...

— Только не говори, будто всерьез поверила в те романтические бредни, на которые каждый мужчина так щедр, особенно по вечерам, — с холодным презрением бросил он, застегивая пояс с оружием. — Тебе же давно не пятнадцать, да и я далеко не первый, кто грел твою постель.

Все это было правдой... и про мужчин, и про возраст. Темира уже побывала замужем и успела овдоветь к моменту их встречи. Вот только одно казалось ложью — его нынешний ледяной взгляд. Она же помнит, она точно знает, это не могло быть притворством, эти раскаленные от страсти прикосновения и полные глубокой нежности глаза...

— Неправда, зачем ты наговариваешь на себя. — Она еще и защитить любимого пыталась от его собственных признаний, но он только оскорбительно расхохотался в ответ.

— Нет... ты еще глупее, чем я считал... когда выбирал место, где перезимовать... но ты была очень... ласкова... и я хочу дать на прощанье совет — выходи за этого остолопа Шарта и радуйся жизни.

По правилам, установленным им же самим, следовало

не советы ей давать, а ударить кинжалом под лопатку, но Темира действительно была очень нежна с ним, настолько, что пришлось уходить раньше намеченного срока. Ни у кого не должно возникнуть ни малейшего сомнения в действиях следящего за исполнением святых правил. Но вот ей об этом знать ни к чему. Как и надеяться на будущее. Долг зовет его очень далеко и надолго, и никто ничего не в силах отменить или изменить. И потому их пути больше никогда не пересекутся, и лучше ей сейчас его поскорее забыть.

Темира неверяще посмотрела на резко захлопнувшуюся дверь, затем вскочила и ринулась к окну. Чтобы успеть разглядеть всадников, выезжающих из распахнутых ворот. Все они были в плащах, у каждого за седлом горбились туго набитые дорожные мешки.

Значит, и правда, навсегда, а она даже не успела сказать ему главного...

И невдомек было рухнувшей на пол женщине, что это молчание спасло ей жизнь, иначе никакие нежные воспоминания не остановили бы твердую руку от прощального удара.

Но и всадник, скакавший во главе маленького отряда к достижению заветной цели, не подозревал, как легко обратить в лютую ненависть преданную любовь женщины.

ГЛАВА 1

— Нет! Не может этого быть... — еще шептал я растерянно, еще хотел всей душой вернуться на час, на день назад, чтоб избежать этой боли, чтоб исправить, помочь...

А разумом точно знал, ничего исправить уже нельзя, и помощь запоздала по меньшей мере на сутки, а горькая, неизбывная боль потери теперь останется со мною навсегда. Со всеми нами.

Норен Ганетти был одним из самых неприметных моих коллег, и я мог бы никогда не познакомиться с ним поближе, если бы несколько лет назад наши расследования случайно не пересеклись. По-собачьи добрые, чуть застенчивые глаза, немного скованные движения и тихий голос немолодого полноватого мужчины показались мне вначале совершенно не подходящими для нашей работы, и я немного раздраженно задал ему интересующий меня в тот момент вопрос. А всего через полчаса был совершенно очарован мягкими, спокойными манерами Норена, дающего точные и развернутые ответы, его тактичными замечаниями и ненавязчивыми советами.

Уже после первой встречи я начал считать его другом и навещал каждый раз, когда имел возможность или когда дела забрасывали меня в маленький городок, где он жил постоянно. Я искренне уважал его за то, что он всегда брался за те самые дела, от которых всеми силами старался отлынивать я сам. А он с той же доброй и терпеливой смущенной улыбкой вникал в запутанные соседские тяжбы, знал все семейные тайны простых жителей своего городка

и соседних деревень и решал непростые дела о наследовании и супружеских изменах.

И вот теперь его нет... И эта несправедливость засела в сердце такой острой и жгучей занозой, что больно даже поглубже вдохнуть.

И многократно больнее от того, что мой коллега погиб не во время шторма или обвала, не умер от старости и не убит в честном бою.

Норена нашли случайно. Когда его наставник не дождался вестника о ходе расследования, то не сразу начал волноваться, решил подождать еще денек и только тогда организовывать поиски. И вдруг получил весомое подтверждение беды. Никто из непосвященных не знает об улучшениях и изменениях, каковые не так давно ковен внес в наши опознавательные медальоны. Теперь ковен мгновенно получает магического вестника, если королевское око снимет или потеряет свой знак. А вот если амулет отобран силой или уничтожен, магам поступает тревожный сигнал.

Сыскари прибыли на место, откуда пришел сигнал, уже через пару часов и обнаружили жестоко искромсанное тело, а рядом, на камне, обломки разбитого булыжником амулета. И это говорило о многом. Человек, совершивший преступление, не просто знал, кого убивает, а почему-то затаил зло именно на королевское око.

Непонятно пока, на одного Норена или всех нас, имеющих этот статус, и тому могло быть много причин. Хотя честные люди королевства уважали и ценили людей, облеченных особым доверием короля и имевших почти неограниченные права, немало было и тех, кому наша работа стояла костью в горле. И даже не столько сама работа, избегать внимания сыскарей и обманывать дознавателей умели многие жулики и негодяи.

Однако мошенники и злодеи, еще только замышлявшие или уже совершившие преступление, больше всего страшились именно незаметного внимания людей со знаком королевского ока, спрятанным в обычном идентификационном овале. Особенно их пугал скрывавший нас по-

лог таинственности, ведь королевским оком мог оказаться любой, обычный путешественник и всем известный милорд, простой наемник или добродушная травница.

И хотя не все точно знали, какие именно права и обязанности даровал нам король, зато всем доподлинно известно было о случаях, когда королевские очи собственноручно приводили в исполнение ими же вынесенные приговоры. Разумеется, молва преувеличивала, таких случаев было всего несколько, и вызваны были такие крайние меры жесткой необходимостью, да и отчитывались мы за подобное перед полным королевским советом, в который входили менталы ковена. Но знать об этом простым поданным Торреля было вовсе не обязательно.

— Успокойся. — Осунувшаяся Клара всунула мне в руки кубок с каким-то напитком, и я решительно влил себе в рот ее зелье. Хотя обычно предпочитаю собственные живые эмоции искусственному спокойствию, в этот раз намеренно изменил своему правилу. Сейчас мне просто необходимо хладнокровно выслушать все выясненные сыскарями обстоятельства трагедии, чтобы потом, в тишине и покое домашней обстановки попытаться разобраться в произошедшем.

— Полегчало? Идем, — тронула меня за плечо Клариса. — Торрель собрал всех в зале для заседаний.

— Пошли, — хмуро кивнул я, прекрасно понимая, что без этого заседания сейчас обойтись просто невозможно.

Королю тоже тяжело, а обсуждать печальную новость проще один раз и со всеми вместе, чем с каждой службой по отдельности.

Зал заседаний по форме напоминал чашу, на дне которой стоял высокий столик для докладчика, а выше, как круги по воде, расходились ряды столов и приставленных к ним удобных кресел. Неширокие лестницы лучами прорезали эти круги в шести направлениях, и возле каждого сектора имелась табличка, указывающая, кому тут принадлежат места.

Нам, королевским очам, достался самый первый от входа сектор, по соседству располагался сектор ковена. Потом шли два сектора для сыскарей и армии, сектор для представителей знатных родов и высших чиновников. Последний сектор обычно занимали главы разных гильдий.

Но сегодня здесь не было ни высокомерных отпрысков старинных семей, ни самоуверенных чиновников. Да и хитроватых гильдийцев тоже не пригласили. Зал наполнился сыскарями, моими коллегами и магами, и даже я сделал для себя несколько неожиданных открытий. Оказывается, старичок-библиотекарь, которого я знаю чуть ли не двадцать лет, тоже принадлежит ковену магов, а улыбочивая владелица модной шляпной, где предпочитают покупать роскошные головные уборы все знатные дамы столицы, — королевское око, как и я.

— Его величество король, Торрель Дортеон Этавир, — еще не успел высокопарно объявить стоящий в дверях зала лакей, один из старших учеников ковена, а король уже стремительно пронесся мимо него и устроился за столом нижнего яруса.

Я в первый раз видел его величество после свадебной церемонии и потому не смог удержаться от чуть более пристального изучения его особы. Похоже, женитьба и в самом деле очень благоприятно отразилась на его внешности, и хотя я уже не раз слышал об этом от друзей и Хена, всегда лучше убедиться собственными глазами. А глаза мои видели посвежевшее и помолодевшее лицо, и в уголках губ больше не таилась застарелая боль. Да и счастливый блеск глаз, прорывающийся сквозь печаль, очень красил и молодил его величество.

Крепость, носящая гордое имя Элессит, сдалась через два месяца осады, после того, как стало ясно — усилия магов ковена увенчались успехом, и горб с плеч принцессы исчез бесследно. А еще через месяц мы с Ортензией присутствовали на пышной свадебной церемонии, во время которой глава магов выпотрошил магические резервы своих коллег подчистую. Зато водопады эфемерных цветов, бабочек и звезд, падающие на новобрачных, золотистые

струи холодного огня, вылетающие из-под их ног и осыпающие присутствующих разноцветными шариками, ленточками и цветочными лепестками, никого не оставили равнодушными.

Правда, досидеть до конца пира нам тогда не удалось, маленькому лорду Доральду Диррейту Монтаеззи было всего пять декад от роду и доверять его нянькам больше чем на три часа мы еще не решались. Но вечером Хенрик притащил в Монтаеззи серебряный поднос с гигантским куском свадебного торта и буркнул, что это угощение строго наказали передать нам новобрачным, хотя он и без их указаний никогда не забыл бы про родственников.

— Раздайте всем свитки, — негромко приказал король вместо приветствия, и передо мной лопнул радужный шарик, роняя на стол скрученные в тонкую трубку листки.

Вот оно как, даже на такую роскошь ковен решился, значит, расследование зашло в тупик. Подозрения на этот счет появились у меня еще дома, едва на рассвете раздался звон приемного кристалла, оповещая о прибытии магического вестника. А поскольку так рано меня могли разбудить только по очень важному делу, я сразу заподозрил неладное. Ну а выпавший из почтового контейнера строгий приказ короля срочно явиться на портальную площадку его дворца только подтвердил мои выводы. Еще не окончились два месяца отпуска, в который ковен почти насильно отправил Торреля, и должно было произойти нечто выходящее за рамки обыденности, чтобы маги потревожили его величество.

Где находилась летняя королевская резиденция, мне и ранее было неизвестно, да и до сих пор я этого не знал наверняка. Подозревал, вернее, догадывался по свежему золотистому загару на щеках короля о домике, хорошо спрятанном на берегу южного моря, в одной из неприступных бухточек, но ковен очень строго хранил эту тайну. И я с ними в этом вопросе был полностью солидарен: совершенная секретность и несколько проверенных людей защитят короля лучше, чем целая армия вояк.

Шуршали вокруг спешно разворачиваемые свитки, но я пока не спешил читать выпавшие передо мной бумаги. Только недавно, на той самой свадьбе, я совершенно случайно столкнулся со стеснительно прячущимся в нише Нореном, когда искал укромное местечко, чтобы усадить утомленную непривычной суетой Ортензию. Ей в первые месяцы после появления на свет наследника доставалось больше всех, хотя малыша все время окружала толпа нянек, как нанятых, так и добровольных. Однако Зия оказалась слишком ревностной и чуткой матерью, а наше чадушко уродилось на редкость горластым.

— Ничего у него не болит, — расстроено вздыхал Хенрик на требование сестры прослушать эмоции младенца, — просто он чрезмерно чувствителен и еще слишком сильно привязан к тебе. Заметь, он начинает кричать, едва ты отходишь чуть подальше. Этот крик обиды и протеста можно перевести так — мама не уходи, мне без тебя страшно.

— Ну куда ж я от него денусь... — По крепко сжатым губам и повлажневшим ресницам жены я сообразил, что от полноты чувств Зия едва сдерживается от рыданий, и соорудил Хенрику самую угрожающую гримасу, какую только умел.

— Они там, в вашем ковене, вообще ничему тебя не учат? — рычал я на шурина чуть позднее, утащив его в кабинет под благовидным предлогом. — Так ты хоть сам думай маленько, прежде чем выдавать сестре такие объяснения! Она же теперь будет рядом с ним и спать, и есть! А ведь и ей нужен отдых, об этом ты не подумал? Она же на каждый всхлип вскакивает!

— Грег... — удрученно оправдывался Хенрик, — я очень хорошо понимаю твои чувства, несмотря на то, что ты снова повернул камень в своем перстне... но пойми и ты, раз у нас в семье есть маг со способностями эмпаата, то вполне может появиться и второй. А к детям, наделенным таким необычным даром, нужно относиться намного бережнее. Я вот только теперь начинаю понимать, как много сделала моя мать, чтоб я не стал забитым и запуганным. Ты же зна-

ешь, как она тогда жила. И тебе придется потерпеть. Год, от силы полтора, он будет нуждаться в ней постоянно, но зато у тебя сейчас есть прекрасная возможность стать для него таким же незаменимым. Маленькие дети очень остро ощущают искренние чувства и очень отзывчивы на неподдельную любовь.

В тот раз мне оставалось лишь возмущенно махнуть на него рукой и ринуться на помощь жене.

А с Нореном на королевской свадьбе мы успели немного поболтать, и я даже спросил друга о делах, но он лишь отмахнулся.

— Ничего нового или необычного... ты же знаешь, у нас в провинции не часто случаются из ряда вон выходящие происшествия или скандалы... впрочем, я этому только рад.

— Но если что-то случится... дай слово, что немедленно позовешь меня, вдвоем всегда все понятнее, — потребовал я, и Норен, рассмотрев меня внимательно, словно видел впервые, согласно кивнул.

А вот позвать не успел... или не захотел?

И как бы мне теперь это выяснить, не впутывая подозрительных сыскарей и непреклонных магов ковена?!

— Мы уже проверили в его списке дел все имена... — Первым докладывал мрачный Тродинион. — Обычные дела: раздел имущества между наследниками, пара заявлений на хозяина харчевни, обманывающего посетителей, несколько мелких краж. Нам нужно время, чтобы пройти по его следам и проверить, в каком из расследований он перешел дорогу кому-то более серьезному, чем воришка вина из подвала бакалейщика. И конечно, нужно поднять все его старые дела, мы склоняемся к версии, что это может быть месть за прошлое решение, не удовлетворившее какого-то злопамятного клиента.

— А мы считаем, что этот преступник намного опаснее, — не согласился Энилий от имени цитадели магов. — Несведущий человек не стал бы разбивать амулет. Просто забросил бы его в болото или в кусты. И тотчас попался бы,

теперь овал королевского ока запоминает любого, кто держал его в руках. И начинает подавать сигнал как маячок.

— Ну, спасибо, маги, за доброту! Хоть теперь пояснили, какую ловушку мы носим на шее, — сердито фыркнул я, замечая, как ошеломленно вытянулись лица большинства моих коллег. Видимо, не я один был не в курсе таких тонкостей.

— Значит, нужно проверять всех, с кем Норен мог столкнуться, — хмуро проронил король, — распределите, кто за какую версию отвечает. Бенрат, ты приготовил предварительные списки?

— Вот они. — Едва Тродинион поднял руку со свитками, как кто-то из магов щелкнул пальцами.

Миг — и бумаги выпали перед королем из точечного портала. И вот после этой демонстрации возможностей мне сразу стало понятно, кому в этот раз достанется настоящая работа, а кого постараются под благовидным предлогом отправить в самые безопасные места. И сначала я огорчился всерьез, а еще через пару часов, слушая оглашение распределенных заданий, едва сдержался от смеха, наблюдая за удрученными лицами некоторых коллег.

Как я и подозревал, никого из нас даже и близко не собирались подпускать к той местности, где произошло преступление. Все королевские очи, привлеченные вместе со мной к этому делу, получили задания в столице или в других хорошо защищенных местах. Часть из нас отправили читать и проверять старые документы по всем делам, которыми когда-либо занимался Норен, кое-кому выпало вместе с магами посетить дома его клиентов, переехавших в другие области королевства.

А меня так и вовсе направили в Северную школу магии. Якобы ради необходимости выяснить, много ли знают старшие ученики о последних изменениях в амулете королевского ока. И если проведали, то где бы они могли об этом проговориться. По ходу рассуждений у сыскарей возникла сомнительная версия, будто кто-то из младших магов или старших учеников Северной школы, где изучали именно магию металлов и минералов, мог случайно сболт-

нуть при посторонних про новые качества наших амулетов.

О том, чтобы попросту отправить туда сильного ментала и прослушать воспоминания всех учеников, речь не шла по двум причинам. Во-первых, этика ковена не позволяла такого грубого вмешательства в личную жизнь своих будущих членов. Но главная, и всем известная причина была все же в малочисленности сильных менталов и их вечной занятости более важными и срочными делами.

Лучше бы просто попросили посидеть дома и никуда не соваться, едва не рычал я, ловя сочувственные взгляды знакомых и недоуменные тех, кого видел впервые.

Сам я даже минуты не сомневался, что это изощренная маленькая месть если не самого генерала Бенрата Тродиниона, то уж точно кого-то из его ближайших помощников, Саррена Жерада или Зиноваса Лавайзира. А может, и всех троих сразу. Как ни благодарил меня в прошлый раз Саррен за спасение, скрыть до конца своего огорчения ему так и не удалось. Ведь именно их ведомству, уходя в Шладберн, Торрель предписал обеспечить охрану двенадцати назначенных им кандидатов во временный совет по управлению Этавиrom. На случай, если он не вернется домой в месячный срок. Кстати, мне крайне приятно было узнать, что не один я оказался таким прытким, еще двоим из этого списка удалось вырваться из-под опеки сыскарей и магов.

Вот только информация о том, куда именно нужно бежать, оказалась лишь у меня, остальным в этом смысле не повезло. Не имелось у них среди родственников пронырливой Мариты, готовой на любые авантюры, лишь бы всегда быть в курсе всех дел своего обожаемого мужа.

— Когда тебя туда перебросить? — не глядя мне в глаза, промямлила Кларисса, едва мы добрались до ее комнаты.

— Неужели ты всерьез считаешь мое задание настолько важным и срочным, что даже не дашь успокоить Ортензию и посмотреть на Дорика? — с язвительной ухмылкой уставился я на наставницу, и она едва заметно поморщилась.

— Вот зря ты так иронизируешь, — хмуро пробурчала в ответ магиня. — Сам знаешь, верные решения иногда

оказываются вовсе не там, где мы их предполагаем изначально.

Знаю наверняка, что не иногда, а почти всегда, но точно так же знаю, что не стоит искать курицу на болоте, а жабу в гречишниках. И еще догадываюсь, что за эту ночь сыскари и маги придумали не одно новое ухищрение, направленное на дополнительную защиту королевских очей. Это раньше, когда я еще был начинающим сотрудником этой службы, мне мнилось, что нас у короля несколько сотен. А вот после того, как сам стал одним из десятки старших и получил доступ к некоторой секретной информации, с огорчением понял, что слухи о нашем количестве сильно преувеличены. И даже не брался угадывать, само возникло это мнение в народе или было искусственно распространено сыскарями и магами ради пользы дела. Дабы народ считал, что он находится под неусыпной охраной и защитой.

— Да и энергию нужно экономить... — так и не дождавшись ответа, вяло возразила Клара и тут же смолкла под моим насмешливым взором.

— Видел я сегодня, как вы ее экономите, — не надеясь, Впрочем, на силу собственных взглядов, едко заметил я и безапелляционно подвел итог: — Все равно там вечером делать нечего, давай ты заберешь меня пораньше с утра? Тем более, я все равно должен взять свое оружие и переодеться.

Чтоб не светить собственным лицом, в школе мне надлежало появиться под новой личиной, которую и должна будет сотворить Клара. Зато с изобретением должности для прикрытия моей деятельности сыскари особо не мудрили, решив представить меня ученикам и магам новым оружейником, с правом обучения желающих обращению с метательным оружием. Не у всех магов достаточно мощные способности, чтобы суметь защитить себя в крайнем случае, вот и учатся те, кто послабее, различным боевым искусствам в дополнение к основным магическим умениям.

На этом наш торг закончился, и я уже привычно уста-

вился на специально для этой цели поставленный в комнате наставницы горшок с пышным кустиком камийской розы.

— Духи, хочу домой... — Зеленая искра знакомо потянула взгляд в темноту воронки, и секунду спустя я стоял возле прудика в саду собственного замка.

— Спасибо, — благодарно вздохнув, сделал я несколько шагов по ведущей к дому садовой дорожке.

И замер на полушаге. Странная своей новизной идея, внезапно пришедшая в мою голову, показалась такой заманчивой, что я решил на несколько минут отложить свидание с семьей. Мне просто необходимо спокойно в одиночестве подумать, и тогда, возможно, ссылка в Северную школу, замаскированная ковром под особое задание, покажется мне не такой уж тяжелой.

К пруду я возвращаться не стал, здесь, в пределах замковой ограды, древни давно освоили каждый уголок и, как мне кажется, уже начинали брать под свою власть и защиту окрестные поля и лес. А иначе чем объяснить невероятное возвращение малыша, которого нерадивая мать умудрилась потерять в лесу?

— Дак всего на минутку под липкой оставила, чтоб по малиннику за собой не таскать, — размазывая по щекам горячие слезы, причитала она, стараясь не глядеть в негодующие лица родни и мужа, — и ягодок ему отсыпала, а вернулась... токмо лопушок и лежит.

Малыш к вечеру вышел на ведущую к деревне тропу сам, живой и невредимый, протопал крепенькими ножками прямо к матери, и личико его довольно светилось. В одной ручке у дитяти было зажато румяное яблоко, в другой — пучок ромашек, и деревенские знатоки нашего леса долго потом пытались сообразить, как мог двухлетний малыш за несколько часов найти единственную яблоню, родившую такие яблоки, и сбегать на западную опушку, возле которой как покрытое снегом белело ромашковое поле.

Ну а уж наши садовники в это лето просто нарадоваться не могли на погоду, хотя, на мой взгляд, она ничем не отличалась от прошлогодней. Зато сад и в самом деле выгля-

дел по-другому. Цвело и плодоносило все, что могло, выровнялись хилые и больные растения, бодро зеленели недавно пересаженные упрямым архитектором кусты. Еще сами собой куда-то исчезли сорняки, и только мелкая кудрявая травка, цветущая разноцветными шариками, никак не желала выводиться вопреки всем стараниям главного садовника, обожающего вид свежеразрыхленной земли вокруг цветочных кустиков.

— Что за назола, — случайно заглянув на кухню, услышал я однажды вечером, как он расстроено жаловался прислуге, устало положив на стол натруженные руки, — вечером доподем — все чистенько, утром приходим — растет, зараза!

— Духи, это ваша работа? — мысленно обратился я к новым родственникам и услышал слегка виноватое:

— Наша. Не любим мы, когда земля голая... и дорожки тоже не любим, но терпим, если они не очень широкие, под дорожками корни можно протянуть. А он все время рубит и рубит...

Вот в тот миг я и уверился, что совсем не случайно свернул к кухне, внезапно просто до дрожи захотев холодного кваса. И немедленно устроил духам допрос, в результате которого мы пришли к устраивающему обе стороны договору. Духи впредь никогда не пытаются повлиять на мои желания, просто сразу сообщают обо всем, что им так или иначе мешает спокойно жить, и я по мере возможности эти неудобства устраняю.

А в тот раз я прошел на кухню, сел напротив садовника, налил себе кваса и, рассматривая огорченное лицо старика, медленно выпил, пытаясь заранее сложить такую речь, которая могла бы и разрешить ситуацию и не испортить его отношения ко мне.

— Киртен, я все время забываю спросить... — тут я удрученно вздохнул, бессовестно пользуясь его почти благоговейным отношением ко мне: садовник был одним из двух старых слуг, служивших еще при отце Ортензии, — как там растет трава, семена которой я привез из Шладберна? Понимаешь, там мне очень понравилось, что везде растет

мелкая травка... она, кстати, все сорняки забивает... а гулять по ней так приятно.

— Милорд! — с чувством выдохнул садовник. — Так что ж вы сразу-то не сказали?! Я ж ведь ее чуть не изничтожил. Одного понять не могу, когда это вы посеять-то успели?

— Да ничего я не сеял... — Вдохновение уже накатило, как морской прилив. — Вышел утром на балкон и случайно обнаружил семена в кармане, а ветерок как раз в сторону сада... Вот я и... они такие мелкие и легкие... хорошо улетели...

— Правду говорят, что у удачливых и добрых все само растет, — удивленно покачал головой растроганный садовник, — а я еще дивился, ну откуда эта зараза, извините, трава, под каждым кустом. Хотя... если семена мелкие... все правильно, травка-то живучая. Ну так, стало быть, тогда я ее больше не полю, поглядим, чего там северяне удумали.

Теперь Киртен ярый поклонник мелкой травки, которая до сих пор, несмотря на осенние прохладные ночи, по-прежнему пышно цветет и зеленеет. Да и начинающая опадать первая пожелтевшая листва, с которой в прошлые годы садовники яро боролись по утрам, выметая и свозя в выкопанные у стен ямы, теперь бесследно тонула в кудрявой зелени, вызывая у старика законное восхищение, а у меня приступы тайного веселья. И головную боль, чем бы таким занять помощников садовника, чтоб главный повар не величал их бездельниками.

Решение этой проблемы пришло само, вместе с новым архитектором, присланным Клариссой.

Уж не знаю почему, но историю с несчастной голубятней, которую я с некоторым стыдом считал всего лишь достойным забвения детским капризом, моя наставница приняла слишком близко к сердцу. Настолько близко, что доложила об этом в ковене, и вскоре все каким-то неведомым путем стало известно королю. Почти одновременно со списком подарков и наград, выданных мне правителем Великого герцогства Шладбернского. И, разумеется, эти сведения оказали решающее влияние на Торреля, в тот мо-

мент как раз раздумывающего над проблемой, наказать меня за самоуправство или все-таки наградить за свое спасение.

Был немедленно отдан приказ найти самого талантливого архитектора, обладающего к тому же славой человека, умеющего угадывать и воплощать в жизнь сокровенные желания заказчиков. И вскоре на мой порталый балкон вывалился молодой улыбчивый господин Ижен Бодьер, оказавшийся не только тем самым архитектором, но и бывшим лучшим учеником голубоглазого старичка, несколько лет назад рассорившимся с учителем из-за кардинальных расхождений во взглядах на желания клиентов. И именно ему принадлежала знаменитая фраза: «Если клиент желает иметь в своей спальне стойло для любимого жеребца, то архитектор должен суметь соорудить его так, чтобы ни капли не испортить при этом саму спальню».

Вот только я к тому времени напрочь остыл ко всякой архитектуре и не имел больше ни малейшего желания ни спорить с кем-то, ни обсуждать какие-либо строительные проблемы. И теперь уже Ортензия задумчиво изучала нарисованные цветным мелом наброски, где архитектор по мере обсуждения недрогнувшей рукой делал необходимые исправления.

А потом и ей стало не до него, как всякой женщине с маленьким ребенком. Разумеется, я старался разделить с женой все заботы и волнения и напрочь забыл про всякую перестройку, лишь изредка встречая в коридорах или столовой обаятельно улыбающегося Ижена, которого как-то незаметно привык к тому времени считать одним из постоянных жильцов замка.

И был несказанно удивлен, когда он, смущенно улыбаясь и старательно скрывая волнение, пригласил меня однажды утром на прогулку. Дорик в то утро как раз отсыпался после трехчасового ночного гуляния, и Ортензия уснула рядом с ним, поэтому я не смог найти никакой уважительной причины для отказа от непредвиденной экскурсии.

К моему удивлению, повел он меня не к пруду, к которому я как-то успел притерпеться, считая законным мес-

том обитания духов. Кстати, через несколько дней после памятной демонстрации сего архитектурного шедевра, когда Ортензия так эмоционально рассталась со старым архитектором, мы все-таки решились осмотреть построенный им шлюп. И обнаружили в его трюме не только помещение, обставленное как корабельная столовая, но и погребок для напитков и пару уютных кают. А в верхней части, там, куда вела деревянная лесенка и где полагалось быть капитанскому мостику, обнаружилось еще одно небольшое помещение, где было развешено по стенкам несколько найденных мной голубиных клеток. Однако мы единодушно решили, что ни одного голубя здесь селить не станем, старичок умудрился совершенно позабыть, что сопутствующие голубятням запахи вовсе не располагают к соседству с чайными столиками. Но как бы то ни было, гонорар, вместе с солидной премией и извинениями. Ортензия ему все же отравила, и инцидент сочли исчерпанным.

А в то утро я в недоумении стоял перед дальней башней, которая вызывала во мне и Ортензии столько противоречивых чувств и эмоций. И к которой почему-то привел меня Ижен.

— Я много слышал... — тщательно выбирая слова, начал он свою речь, — про события, связанные с этим местом. Но мне кажется, оно несколько несправедливо причислено к мрачным и не подлежащим вниманию. А ведь с этой башни открывается самый живописный в этом замке вид, и, кроме того, она расположена в самом дальнем уголке сада, что позволяет ей претендовать на роль укрытия во время внезапной грозы... или места для уединения... иногда такие требуются каждому.

Со всем сказанным я был полностью согласен и, более того, внезапно понял, что мне тут нравится. Густые кусты, обрамлявшие приведшую сюда узкую тропку, поздний виноград и клематисы, увившие стены, потемневшая скамья у входа... все навевало покой и умиротворение.

— Прошу. — Темная тяжелая дверь неслышно распахнулась перед нами, и я неуверенно шагнул внутрь, мгнов-

венно вспомнив, как бежал тут в тот одновременно счастливый и злополучный день.

В первый момент мне показалось, что я попал не туда. Не было в той темной башне такой светлой лестницы цвета свежесбитого масла, не было отделанных солнечными сосновыми панелями стен и золотисто-охристого сводчатого потолка. Даже кованая решетка на окне была теперь не ржаво-черного, а золотого цвета и казалась не мрачным стражем, а изящным атрибутом. Две комнаты первого этажа, объединенные широким арочным проемом, оказались обставлены светлой деревянной и плетеной мебелью, камин светился желтками новых кирпичей, а яркие полосатые останские ковры и подушки создавали приподнятое настроение.

Здесь действительно уютно будет пережить грозу, да и в пасмурную погоду захочется заглянуть на минутку.

От помещения второго этажа я не ждал особого сюрприза, но снова был приятно удивлен.

Ижен совершенно неожиданно для меня переоборудовал его под просторную и удобную купальню, благо напор воды, поступающей из речки по закрытому желобу, позволял нам иметь купальни даже на третьем этаже.

Но окончательно его замысел стал мне ясен, когда я поднялся на самый верхний этаж. Посыпанный свежими опилками пол в небольшом, но светлом помещении с широкими окнами, которых раньше тут не было, стоящие на поддонах просторные плетеные и кованые клетки, а самое главное, пяток белоснежных крылатых красавцев, гордо гуляющих возле кормушек, мгновенно покорили мое сердце. В тот самый миг я твердо уверовал, что именно сюда буду приходить, когда мне нужно будет обдумать нечто важное.

— Милорд... есть еще выход на верхнюю площадку, — робко то ли предложил, то ли сообщил создатель этого уютного местечка, и я, более не споря, безропотно потопал вслед за ним по винтовой лестнице, распахнувшейся прямо в яркую голубую бездну летнего утра.

Отсюда и правда открывался великолепный вид на да-

льные поля, лес и речку. Посредине площадки высился столб с перекладиной для голубей, а рядом с ним стол для клеток, вдоль перил стояли широкие массивные скамейки. Но все это я рассмотрел значительно позднее. Больше всего в тот момент я был благодарен Ижену за обнимающую площадку по периметру высокую, почти в мой рост, кованую изящную решетку, выкрашенную в цвет неба и потому совершенно незаметную на его фоне. Ведь это означало, что архитектор предусмотрительно подумал о том времени, когда я захочу прийти сюда с непоседливой сынишкой.

Мимоходом оглядев покрасневшие виноградные листья и темно-синие грозди, еще оставшиеся на лозах, я привычно распахнул тяжелую дверь и с порога попался в ловушку встревоженных серых глаз.

— Значит, все-таки задание, — пробормотала Ортензия, безнадежно и решительно встала со ступеньки, на которой просидела уже неизвестно сколько. — Там Тума горячих пирожков недавно принесла, пойдем, перекусишь... и расскажешь, что произошло.

— Зия... — Я поймал ее на полушаге и крепко прижал к себе. — В этот раз ничего опасного, любимая! Я буду сидеть в Северной школе под охраной целой кучи магов. Ты мне веришь?

Поверь мне, родная, мне это сейчас так нужно, молил я про себя тревожную глубину любимых глаз. Тем более что мне и самому пока трудно себе поверить.

ГЛАВА 2

— Тур, ты просто дурак, — сердито выкрикнул уже знакомый мне голос, и вслед за тем послышался быстрый топот проворных ног.

— Меня не волнует, кем ты меня считаешь, — ровно и бесцветно ответил басок Тура, — я все равно буду поступать так, как считаю нужным.

— Ну да, ты сдуру бросишь школу и помчишься искать... не могу даже сказать что! Ветер в поле и то легче поймать.

— Особенно если применить частичное сложение неизвестных векторов и кастовать седьмое заклинание Берцелиуса, — задумчиво пробормотал третий голос, и два первых дружно рывкнули:

— Заткнись, Рун!

— А что такого, все равно вы понапрасну спорите уже целый час! — примирительно заявил ничуть не обидевшийся Рун. — Лучше потренировались бы в бросках, этот солдафон обещал завтра до самого ужина тренировать тех, кто с пяти раз не попадет в мишень.

— Слышали мы, что он сказал, — едко фыркнул первый голос. — Да кто его боится! Занятия по метанию оружия — дело добровольное.

— Ты не права, Олли, — так же миролюбиво хмыкнул Рун, — магистр Шарот сказал, что директором уже подписан приказ, каждый, кто не сможет сдать боевые заклинания за второй уровень, должен изучить хотя бы один вид обычного оружия, и потому, как ни крути, ты неизбежно попадаешь в лапы этого Таржена.

— Фи, напугал мышку сыром! — легкомысленно фыркнула Олли. — Пусть лучше он трясется, как бы не попасть в мои ручки!

— И что ты с ним сделаешь? — В голосе Руна появилась нездоровая заинтересованность.

— Для начала я сделаю с тобой, — не повелась на подколку бесстрашная Олли, — чтобы не смотрел на меня такими... такими наглыми глазами!

Что-то зашуршало, зашипело и звучно лопнуло, как накрепко залитая сургучом бутылка с перебродившим вином.

— Олли! — возмущенно завопили оба ее собеседника. — Ты что, с ума сошла?! Разве можно в комнате кастовать фаербол третьей степени?!

— А я проверяю, как вы поставили защиту... — Судя по дрожащему голосу, девчонка и сама испугалась. — И знаешь, что мне сейчас пришло в голову?! Я тоже пойду с

вами. А чтоб не было скучно, позову Веджи. Она точно согласится, я знаю.

Быстрый топоток прозвучал порывом града по окну, и почти сразу, скрипнув, хлопнула дверь.

— Нет, ты слышал?! — возмутился голос Тура. — Она пойдет с нами! Вот почему ты ей не объяснил, что никаких «нас» просто не существует?! Я уйду один, и это решено!

— Я иду с тобой, и ты не можешь мне запретить, — прежним невозмутимым тоном ответил Рун. — Я свободный человек и имею право поступать так, как захочу.

Тур несколько секунд молчал, и я как наяву видел перед собой его зеленоглазое скуластое лицо с возмущенно раздувающимися тонкими ноздрями. Но ответить ему было нечего, Рун сразил друга его же собственными доводами.

— Ладно, идите хоть всей школой, — взбешенно прорычал он наконец, — но запомните, вы идете сами по себе и ко мне не имеете никакого отношения!

И ведь действительно пойдет, за шесть дней, проведенных в Северной школе под именем оружейника и учителя Таржена Динилса, я успел довольно хорошо рассмотреть ее учеников. А некоторых даже начал изучать. Впрочем, их не так тут и много, всего около четырех десятков. И это понятно, в школе постоянно проживают только младшие ученики. А те, что закончили обучение по всем общим дисциплинам и окончательно определились с выбором профессии, но еще не получили звания мастеров, обычно селятся либо рядом с местом учебной практики, либо в доме своего наставника по магии.

И Турий Антериз, вместе с неразлучными друзьями Одрунием Кодери и Поллией Юриже сразу обратили на себя мое внимание некоей то ли обособленностью, то ли неоднозначностью. Бывают в любом небольшом коллективе люди, которые вроде бы ничего и не делают для того, чтобы выделиться, не пытаются всех рассмешить или задобрить, не лезут в бочку при малейшем подозрении на косой взгляд или нелицеприятное высказывание. Просто тихо, спокойно и с каким-то неуловимым достоинством зани-

маются интересующим их делом и уже этим выгодно выделяются из общей массы. Таких не любят подхалимы и проныры, еле терпят спесивцы и горлопаны. Но именно возле них обычно собираются самые интересные и талантливые личности. Те, кому интуитивно хочется надежных и честных дружеских, и не только, отношений.

К тому же эта троица принадлежала к группе выпускников, тех, кто уже весной покинет школу навсегда, чтобы совершенствоваться в профессии под руководством своего личного наставника. Кроме них таких выпускников было еще четверо, и за всеми семерыми я приглядывал особо. Договорившись с духами, что они помогут мне услышать все разговоры, не относящиеся к учебным или сугубо личным делам.

Идея привлечь древней к благому шпионскому делу возникла у меня еще в замке, и я вначале долго вытягивал из своих зеленых родственников все подробности по поводу их возможностей и родовых правил. И узнал целую кучу тонкостей, остававшихся до того момента мною невыясненными.

Хотя я еще в Шладберне заподозрил прямую зависимость духов от своего цветка жизни, но только теперь уяснил во всей полноте, насколько она крепка. Вся собранная стволами и корнями растений энергия направлялась вначале к цветку, и именно он позже распределял ее между духами, подпитывая и поддерживая своих детей. Да, самых настоящих детей, ведь древни развивались, как оказалось, из его бутонов. Как и некоторые другие составляющие этой сложной системы. Мне удалось выяснить, что и новые цветы жизни, и амулеты установления взаимопонимания, или, как его окрестили в герцогстве, символ защиты от злых намерений, были выращены цветком жизни.

Но самой интересной оказалась невероятная способность цветка хранить тысячелетнюю память о событиях, касающихся его рода, и устанавливать собственные законы, помогающие безопасно сосуществовать его детям с другими расами.

Одним из главных правил цветов жизни было невмеша-

тельство в личные и общественные дела тех, с кем древни вошли в контакт. Но у людей имелось право попросить о помощи, и если цветок считал, что при этом не нарушаются его основные законы, то такую помощь оказывал. Руками и силами духов.

— То есть, — решил я проверить, правильно ли понял мною этот щекотливый момент, — вы откажетесь, если Клара попросит вас за мной присматривать или шпионить?

— Мы уже отказались, — в шуршащем над ухом голоске прозвучала веселая гордость, — но вот если с тобой случится что-нибудь плохое, и она попросит помочь...

— Имеется в виду, если я сам не смогу попросить о помощи? — осторожно уточнил я детали, в таких делах лучше заранее быть в курсе всех возможных ситуаций.

— Ну да, — и не подозревая о моем коварстве, подтвердил дух, — если ты не можешь попросить.

— Так вот, — твердо объявил я зеленому родичу, — я разрешаю вам выполнять ее просьбы только в том случае, если будет серьезная опасность для моей жизни, а я буду в этот момент без сознания. Но ни в коем случае не раньше.

Дух молчал почти минуту, потом важно сообщил, что цветок жизни признал мои доводы совершенно справедливыми. Так что насчет вмешательства Клариссы в свою жизнь я теперь мог совершенно не волноваться.

Зато мне предстояло принять очень важное решение, имею ли я сам право вмешиваться в очень подозрительные планы кучки старших учеников.

Разумеется, о том, чтобы поделиться своей информацией с временными «коллегами», я не задумывался даже на секунду. По многим причинам. И не самой последней была элементарная вредность, а может, и крошечная месть за то, что их организация так ловко упихнула меня сюда в ссылку. Немалую роль играли и размышления этического плана, однако они и на миг не остановили бы меня, коснись дело чьей-то безопасности. Вот только никакой серьезной угрозы жизни или здоровью учеников я пока не видел и, следовательно, мог с чистой совестью держать свои

секреты при себе. И потому возможность подольше не давать ковену никаких объяснений, а Клариссе никаких обещаний и была основной причиной, по какой я не желал раньше времени никому раскрывать свой договор с духами.

И в результате всех этих веских и не очень причин мне остался единственный выход — тайком следить за шустрými учениками и в случае крайней необходимости попытаться справиться с ними самому.

А вот это являлось самым нерадостным в моем нынешнем положении. До этого дня каждую ночь, убедившись, что школа уснула, я уходил зеленым путем в замок, благо дом оружейника стоял в дальнем углу школьного сада. И кустик духов, своего рода порталный маячок, тщательно упакованный в высокую корзинку, был, кроме пояса с оружием, основным багажом, с каким я вступил на территорию школы магов.

Внешне не похожую ни на одну из обычных школ. Ни расположением, ни порядками. Да и как она могла быть похожа, если учили тут не письму и чтению, а магии... или, попросту говоря, волшебству?

Да здесь даже название «северная» не соответствовало первоначальной ассоциации с этим словом и означало лишь, что ученики этой школы напрочь лишены способностей в магии живой природы и ее производных. Зато самые сильные боевые маги и телепортисты, а также артефакторы выходили именно отсюда.

Потому и находилась раскинувшаяся между двумя холмами и пышной рощей школьная усадьба далеко не на севере королевства, а в его восточной части. Ради безопасности и сохранения тайны обширная территория, напоминающая небольшой поселок, располагалась на приличном удалении от всех городов и деревень. Чтобы заранее исключить всякие экскурсии и вылазки любознательных простолюдинов и авантюристов различного рода. А кроме того была огорожена непролазными колючими зарослями, выращенными магистрами Южной школы, и тройным кольцом магической защиты.

Здесь не было и в помине никакого общего здания, где

проводят большую часть дня ученики в обычных школах. Примерно посреди усадьбы стояло двухэтажное круглое здание с белоснежными колоннами и шестью дверями, ведущими к дорожкам в разные стороны усадьбы. Это здание служило ученикам и учителям столовой и одновременно местом для дружеских встреч. Первый этаж был заставлен столиками и диванчиками, кухня находилась внизу, а на втором этаже разместились квартиры поваров.

Остальные обитатели школы жили в домиках, разбросанных по всей территории. Общительные ученики селились по двое или по трое, нелюдимые — по одному. Дома учителей стояли вперемешку с домиками учеников и отличались лишь чуть большим размером, ведь на первом этаже у каждого располагалось просторное помещение для занятий или лаборатория. Лично у меня там стояли стойки и стенды с оружием и рабочие столы с инструментами. Полигон для занятий я попросил оборудовать за домом, защитив прежде окна крепкими ставнями.

Не было в этой школе и постоянных групп или классов. Инициация магических способностей происходит у всех по-разному и в разном возрасте. Например, среди самых младших учеников есть бывший селянин, бородатый мужичок лет тридцати, почувствовавший необычные способности в минуту своей гибели, когда падавшую на него огромную сосну, поваленную ураганным ветром, казалось, уже ничто не могло остановить.

— Лошадку было жалче всего, — тяжело вздыхая, рассказывал он мне историю, наизусть известную всей школе, — хорошая лошадка, молодая, сам из жеребенка вырастил. А тут вижу — валится на нас... махина ента, ну все, думаю... счас хребет-то ей и переломит, да так меня проняло... этакая злость взяла... как махнул... а ее пушинкой в сторону и сдуло. А на меня слабость накатила... небывалая. Упал и встать не могу. Привезли в деревню... знахарку позвали... она и определила, это во мне сила кончилась. Маги наехали, посоветовались... вот сюда определили. Сказали, много времени потеряно, но способности есть... вот, учусь теперь, стало быть.

И судя по растерянному взгляду, будущий маг сам до сих пор не верил, что все это произошло именно с ним.

Да и семерка так называемых старших учеников довольно ощутимо разнилась по возрасту. Вспыльчивому, но отходчивому Туру почти двадцать два, и это, как я понимаю, заставляет его заниматься с тройным рвением, многие в его возрасте уже имеют звание мастера третьего разряда. Но в том, что он прибыл в школу так поздно, нет вины парня. Тур родом из довольно богатой семьи, имеющей возможность защитить свой дом мощными амулетами. Вот потому и обнаружили его магистры совершенно случайно, когда парнишке было уже почти пятнадцать.

А вот его другу, высокому и крепкому Руно, всего восемнадцать, и они с Олли, которой недавно исполнилось девятнадцать, прибыли в школу в один год и из одного городка, что бывает чрезвычайно редко.

Другие будущие выпускники примерно такого же возраста, кроме необычайно талантливого Колеза. Мальчишке всего тринадцать, способности обнаружились у него в шесть лет, и потому его матери в виде исключения разрешено жить вместе с сыном.

Придя на ужин, я специально устроился неподалеку от того столика, за которым любила сидеть интересующая меня компания, и медленно жевал остывшее мясо, стараясь их не насторожить. Все равно я слышал каждое слово, духи прониклись моими переживаниями и помогали беспрекословно. Однако компания упорно молчала, и лишь когда Олли отправилась за второй порцией сладкого, Рун едва слышно выдохнул:

— Ты не передумал?

Тур в ответ только коротко мотнул гривой чуть рыжеватых волос.

— А продукты взял?

Но его друг, заметив приближавшуюся Олли, сделал вид, что не расслышал вопроса.

Так, похоже, сегодня ночью мне не придется ни свидетельствовать с семьей, ни поспать, тяжело вздохнул я, поднимаясь

из-за стола, пора подготовиться к засаде. Я почти не сомневался, что сумею остановить Тура, не зря же столько лет общался с магами, знаю все их слабые стороны. А прочих после этого и задерживать не придется, без него вся экспедиция обречена на провал. Я пока плохо понимал, куда и зачем они собрались, все как назло говорили про неизвестный мне предмет намеками, но был уверен, бросать школу магов в последний год учебы — большая глупость. Предотвратить которую нужно как можно тактичнее.

— Духи, — проникновенно попросил я, вернувшись в свой дом, — не могли бы вы как-то уменьшить корзинку с кустиком? Или хотя бы сделать один бок плоским, чтоб я мог привязать ее к спине?

— А зачем? — Призрачная фигурка того из духов, которого я привык считать главным среди новообретенной родни, закачалась на веточках.

— Видишь ли, я привык подстраховываться на всякий непредвиденный случай. И если этому Туру каким-то чудом удастся меня провести, я хотел бы иметь свой кустик при себе, а не тратить время на возвращение в этот дом, — как можно доходчивее пояснил я, замирая в напряженном ожидании.

Духи иногда выдают совершенно неожиданные откровения, и хотя я разумом понимаю, что это срабатывает мудрость и опыт цветка жизни, но избавиться от чувства общения именно с духом довольно трудно.

— Мы догадались... — хихикнул дух, — что ты этого захочешь. Но у нас есть другое предложение. Здесь много магии, бесполезно уходящей в землю, и это место нам нравится. Посади кустик в укромном месте, мы покажем где и дадим тебе вещь, которая его заменит.

— Только не говорите, что вам пришлось... истратить бутон, — почему-то мысль о том, что я должен буду носить артефакт, стоивший жизни вот такому существу, кажется мне чудовищной.

— Нет, не волнуйся... — Прохладная ручка заботливо погладила меня по пальцам, и тревога отступила. — Мы сделали его из кусочка корня.

— Ну тогда ладно. — Подхватив корзинку и совок для углей — ничего иного, напоминающего лопату, у меня не нашлось, — я выбрался из дома через заднюю дверь.

Место для посадки, выбранное духами, оказалось неподалеку, рядом с густой огромной елью, медленно раздвинувшейся при моем приближении нижние ветви. Я нырнул под них и сразу понял, что копать ничего не придется, духи позаботились обо всем сами. Мне осталось только вынуть из горшочка, плотно втиснутого в корзину, заветный кустик и осторожно опустить в готовую ямку. Почва и опавшие иглы медленно вернулись на прежнее место, не оставляя даже намека на свежесть посадки. Веточки, темнея и утолщаясь, на моих глазах потянулись вверх, прилегая к стволу, обвивая его, и я понял, что моя миссия на этом завершена. И действительно, едва успел выбраться из-под веток, как они плотно сомкнулись за мной.

— Вот, держи. — Довольный дух сидел на колючей ветке так уютно, словно это моховое креслице, и протягивал мне зелененькую бечевку, на которой болтался невзрачный подсохший корешок.

— Какой-то он сухой, — обеспокоился я, вешая амулет на шею и заправляя под рубашку, — может, мне класть его на ночь в воду?

— Не нужно, — развеселился дух, заставляя слегка засомневаться насчет своей мудрости, разве мудрые могут хихикать по любому поводу? — Он будет брать через тебя магию, мы же говорили, что ты хороший проводник.

— Ну тогда ладно, — облегченно вздохнул я и неспешно направился к дому, но взволнованный голосок духа вдруг пискнул прямо в ухо:

— Уходит!

Зеленый путь открылся мгновенно, выбрасывая меня в полутемную спальню Тура, где серел овал портала и начинала терять четкость стройная фигура мага. В безумном рывке я прыгнул к нему и вцепился руками в рвущееся под пальцами полотно плаща, твердо помня только одно, если я в этот момент сильнее сожму руки, то на месте прибытия мне придется лечить кое-кому переломанные ребра.